

было нами рѣшено. Впрочемъ, еще лучше... скорѣй къ развязкѣ... Гдѣ же татап? Въ гостиной?

Гранковскій помахалъ себѣ въ лицо платкомъ, прошелъ по террасѣ и застегнулъ сюртукъ.

— Я не думаю,—произнесъ онъ съ улыбкой, которая скрывала его волненіе,—чтобы татап отказала подъ тѣмъ предлогомъ, что ты trop jeune. Вѣдь тебѣ шестнадцать лѣтъ...

Онъ посмотрѣлъ на нее любящимъ взглядомъ и, скользя по складкамъ и буфамъ, пышность которыхъ скрываетъ у молодыхъ особъ бѣдность бюста, подумалъ: „но она дѣйствительно еще... *pas éclosée*“.

— И такъ, идти?

— Иди, иди!—конфузливо промолвила дѣвушка.

Онъ сдѣлалъ рѣшительное лицо, улыбнулся ей тревожной улыбкой, подмигнулъ и вошелъ въ раскрытую дверь. Дѣвушка стояла на террасѣ. Она была увѣрена гораздо больше Федора Игнатьича въ благоприятномъ исходѣ его сватовства. Татап спитъ и видитъ, какъ бы сойти съ рукъ падчерицу, а Гранковскій человѣкъ съ независимымъ состояніемъ и съ положеніемъ въ обществѣ—все-таки онъ докторъ. Но и она не могла совладать съ своимъ волненіемъ. Ей сдѣлалось страшно, безотчетно страшно. Она вдругъ стала бояться и отрицательнаго, и положительнаго отвѣта татап. Она сошла со ступенекъ террасы и, чтобы разсѣяться, рвала настурціи. Руки ея машинально плели вѣнокъ, а слухъ жадно ловилъ малѣйшій шумъ позади. Она все удалялась отъ террасы и, наконецъ, очутилась въ самомъ глухомъ мѣстѣ сада. Здѣсь шелестѣли высокія душистыя липы надъ обрывомъ; вдали, внизу синѣлъ широкій Днѣпръ. Дѣвушка, съ недопетеннымъ вѣнкомъ настурцій въ рукѣ, остановилась и задумчиво смотрѣла вдаль, хотя всѣ мысли ея были попрежнему сосредоточены на гостиной, и она все думала о разговорѣ, который ведетъ въ настоящее время татап съ Федоромъ Игнатьичемъ.

Она живо обернулась—ей показалось, что ее зовутъ. Но ничего не было. Съ разгорѣвшимся лицомъ пошла она къ дому. Вотъ акаціи, подстриженные на манеръ пальмъ, вотъ клумбы съ розами и левкоями. По дорожкѣ, усыпанной пескомъ, бѣжалъ въ припрыжку Федоръ Игнатьичъ. Онъ выдѣлывалъ смѣшныя па, и дѣвушкѣ немножко не понравилась эта веселость. Но ея неудовольствіе продолжалось мгновеніе. Она разсмѣялась и бросилась въ радостномъ испугѣ къ нему на грудь.

— Да?—спросила она.